

ВМ-90 ПАРАД РУБРИК

— Говорят, жанр романа во всем мире умирает. А у нас особенно: читатель увлечен публицистикой, до толстых книг недосуг. Не боязно ли вам, Леонид Израилевич, выпускать теперь в свет роман «Семейный календарь» (издательство «Московский рабочий», 1990 год)?

— Жанр романа умирает не более чем другие жанры. Именно в такой форме я хотел выразить свои представления о бытии, об истории, о человеческих отношениях.

— Роман писался в годы, что принято именовать «застойными»?

— Роман писался в годы, что Бог послал. Для кого-то они были застойными, а у кого имелись глаза — понимали неизбежность происходящего. И писал я «Календарь» более 20 лет, а за эти годы еще кое-что делал, словом, жил как жил.

— Вы не рассчитывали, что он когда-либо увидит свет?

— Работа для публикации учила меня вкладывать особенную крепость, крепкость в произведение для печати — «буйнить», «хулиганить» — хоть что-то да останется после «красного карандаша». Не рассчитывал. Уже была привычка обманывать редакторов, а тут я работал, не думая о цензуре, а думая лишь, как изобразить свои образы, людей, которые некогда жили. Редактор или цензор просто отсутствовал в моем сознании. В этом была главная радость.

— Вы понимаете, что сегодня читатель вашего романа в первую очередь обратит внимание на политическую его сторону, скажем, на «нетрадиционный» образ Ленина?

— Люди устроены таким образом, что они читают не то, что написано, а то, что хотят прочесть.

— В России или вообще?

— Думаю, вообще. А у нас — особенно, ибо наша страна — это история желаемого и сущего. Одними людьми сущее выдавалось за желаемое, а другие за желаемым не хотели видеть сущего. Конечно, сейчас будут читать однобоко, но уже дети... да даже вы, молодой человек, прочтете иначе, поскольку для вас Ленин и Сталин — совсем не то, что для человека моего поколения.

— А как, на ваш взгляд, большинство общества относится ныне к Ленину?

— Общество относится больше не к Ленину, а к разговорам о Ленине. Общество настолько уродливо, что представления о жизни, вбиваемые с детского сада, заменили собственные глаза. Когда-то академик Павлов провел такой беспощадный опыт: внушил, уговорил одну больную, что перед ней —

черный лист бумаги (лист был белым), и она сама стала потом уверять других, что лист — черный, и наоборот.

Словом, я не знаю, как люди относятся к Ленину. Самое главное, что люди живут ненормально, они проводят добрую лучшую половину жизни в очередях, а следовательно, не используют тех богатств, которые в них заложила природа. Люди хотят уйти от решения реальных проблем. Потому-то у нас всюду — говорильня, потому-то, только начни что-то обсуждать, — сразу родится не два, а двадцать два мнения, притом большей частью эти мнения — не позиция, а сиюминутное ощущение вопроса. Мы живем в мире избитых слов

Вел Москва-1990-25 дек.

Леонид ЛИХОДЕЕВ:

«Я НЕ ДОЖИВУ ДО НОРМАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»

(имейте это в виду!) — слова ничего не означающие: «поляризация», «консолидация», «амбиция», «альтернатива»... Слова-ярлыки у нас издавна: «контрреволюционеры», «враги народа», «вредители», «оппортунисты» — эти слова клеились на отдельных людей с тем, чтобы подчеркнуть, убедить нашего обычного человека в том, что он сам ни в чем не виноват, источник бед — всегда вне его: враги, космополиты, фашисты, империалисты, сионисты... Эту линию весьма удачно использовали большевики в своей пропаганде: на тебя де влияет среда, класс, а от тебя ничто не зависит.

У литературы, вообще у искусства, нет задачи, ибо искусство — это одна из форм проявления человеческой сущности, как, скажем, хозяйство или земледелие. Но коли уж говорить об обязанностях, о долге литературы, то он, по-моему, в том, чтобы показывать, доказать человеку, что он — главный, он и только он виноват в своей судьбе.

— А если мы так и не научились ответственности, вечно полагаемся, уповаем и молимся на царей и вождей (не на Горбачева, так на Ельцина, не на Ельцина, так на Солженицына...), то есть ли у нынешних преобразований шансы на успех?

— Я не знаю, что будет с этим обществом, не могу сказать никаких утешительных слов. Шансов

на удачу столько же, сколько и на поражение.

— Как вы думаете, образ мышления нынешних левых руководителей отличен от мышления Ленина и ленинцев? Короче, новые ли это люди?

— Большевики — это не члены Компартии Ленина, это — склад ума. И, действительно, многие из тех, кто сегодня нападает на Коммунистическую партию, действуют большевистскими, ленинскими методами. Когда я прикидываю, с кем были бы эти люди лет 75—80 назад, мне кажется, они читали (и читали) бы Маркса, шли бы на баррикады, кидали бомбы в губернаторов. Большевиком — это экстремальное мышление, мышление, где

был и уверен, что он ничего моего не читал (тем более что по тому времени я почти ничего и не написал). Его просто беспокоило мое еврейское происхождение. А я ощущал тогда даже не страх, а неприятность, гадливость, дискомфорт. Ведь я вырос, как и мое поколение, веря в понятие о человеке независимо от его происхождения. Я прошел войну, где тоже разговора о национальности не было. Та «борьба с космополитами» была диким вбиванием, вколачиванием извне в мышление народа. Мне было, повторю, просто противно, стыдно было за Бубеннова.

— А по-вашему, откуда появилось «жидомордство» в нынешнем Союзе писателей?

— Кто-то ж должен быть виноват! Когда-то Салтыков написал: «Чтобы нам, мерзавцам, было все, а вам — ни дна ни покрыва». Это — результат зависти, тщеславия. Бумаги не хватает, типографий — мало, так зачем же, мол, этого жидка или татарина публиковать? Лучше меня. Вот и все. Как говорили римляне: «Ищите, для чего кому выгодно?». Я отношусь к этому с такой же тоской, именно с тоской, с какой отношусь вообще к приклеиванию ярлыков и выбиранию «правильных путей».

— Кто в вас преобладает: сатирик или романист?

— Не знаю. Сатира — не цель, а средство. Дал Бог сатирическое видение мира — спасибо, не дал — крутись по-другому. Я небольшой поклонник всех этих сатирическо-юмористических уголков, что стремятся рассмешить читателя в нашей печати. Сатира — это обостренная картина действительности, это вытаскивание наружу закрытых черт общества или характера. Думаю, что в моем романе романисту помог сатирик. Сатирик в первую очередь видит отрицательное, ибо он ищет пристальнее других.

— Анатолий Злобин затевает частный журнал «Русское богатство» и говорит, что один из первых его выпусков будет целиком отдан вам.

— Да, до «Семейного календаря» я написал для себя роман, который по тому времени считался сатирическим (вообще у меня странные отношения с этим термином), под названием «Средневозвышенская летопись». Это то, без чего русская сатира не живет: очередной город Глухов (он же — село Горюхино, город Градов, губернский город Н., по которому ходит Чичиков). Так вот первый том я и отдаю Злобину, а кроме того, неопубликованные прежде рассказы, писанные для самого себя, и несколько стихотворений.

— У вас есть любимый девиз?

— Есть канцелярский штамп: «Без приложения». Так вот, мой девиз: «Без девиза».

Вел беседу
Ю. ЗАЙНАШЕВ.